

Три письма Ольги Фрейденберг

В настоящей публикации О.М. Фрейденберг предстает в роли ученицы и учителя. Два письма к Ольге Владимировне Орбели (урожд. Никольской), гимназической учительнице, и письмо к ученице – Софье Викторовне Поляковой.

Ольга Владимировна – дочь Владимира Васильевича Никольского (1837–1883), профессора Петербургской духовной академии, преподавателя Александровского лицея, сестра Бориса Владимировича Никольского (1875–1919), поэта, литературного критика, историка римского права, активного деятеля правомонархического движения, расстрелянного в 1919 г. в Петрограде, жена Рубена Абгаровича Орбели и мать Русудан Рубеновны, будущей душеприказчицы Фрейденберг. Окончила Смольный институт в 1895 г., затем с отличием историко-филологическое отделение Бестужевских курсов, преподавала русский язык и литературу в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда, в том числе в гимназии Е.М. Гедда, в которой училась Фрейденберг. Знакомство с О.В. Никольской совпало с одним из первых серьезных потрясений в жизни Фрейденберг: молодая современная учительница «университетского типа» стала преподавать литературу вместо уволенного Ивана Егоровича Антонова, любимого учителя Фрейденберг. Как обычно бывает в таких случаях, Фрейденберг возненавидела новую учительницу и не прощала ей своей разлуки с Антоновым – не слушала, высмеивала и не принимала. В середине выпускного класса эти отношения разрешились скандалом. Начальница гимназии перед всем классом обвинила Фрейденберг в «террористических замыслах против гимназии, благонравия, против учителей и начальства»¹. Публичное унижение и невозможность возражать стали тяжелейшим ударом для Фрейденберг. Она хотела покинуть гимназию, но отец настаивал на окончании, и Фрейденберг не только осталась, но и окончила в ней педагогический класс. Бунтарство ушло и, прислушиваясь к урокам

Никольской, она поняла, что глубоко ошибалась в отношении к ней. Никольская почувствовала этот перелом, и они стали друзьями. Но при этом всегда по отношению к Никольской Фрейденберг сохраняла дистанцию ученицы. Ее письмо 1918 г. – подробный отчет об обучении в Петроградском университете с описанием изучаемых предметов и преподавателей, а письмо 1953 г. – итог научный и жизненный, адресованный своему Учителю.

Письмо к Софии Викторовне Поляковой, впоследствии известному филологу-классику, византинисту и переводчику, написано совсем в другой тональности. Яркое и остроумное, оно кажется адресованным скорее коллеге или подруге, чем ученице, хотя в 1936 г. Полякова еще студентка. Фрейденберг как бы стеснялась применять к себе высоко ею понимаемый статус Учителя и часто подписывалась «Ваша учителька». Позже в воспоминаниях она напишет: «Я рождена быть учеником и не смею быть учителем. Повидимому, есть два типа людей. Мне дано ловить, воспринимать, вбирать, любить; я хочу идти даже вслед за теми, кого вынуждена обучать. Это не значит, что моя душа пассивна. То, что я получала, я долго носила в себе, и оно не мешало мне оставаться самой собой. Но я любила и люблю чужую точку зрения, люблю учиться и слушать другого, люблю человеческий голос и игру человеческого ума. Я была и в университете душу-потрясающей ученицей. <...> Мир не видывал таких учеников, как я, – бесповоротно усердных, преданных учению и учителю, горящих внутренним сгоранием; и всегда учителя понимали меня и отвечали мне полной и глубокой взаимностью. Это были величайшие романы духа, сокровеннейшее взаимопроникновение»².

Фрейденберг не испытала счастья иметь таких учеников, какой была она сама. После ее вынужденного ухода из ЛГУ некоторые, как С.В. Полякова, ее покинули, другие, как Н.В. Морева (Вулих), еще в университете стали ее гонителями. И свое научное наследие и архив она завещала дочери своей гимназической учительницы – Русудан Рубеновне Орбели.

Письма к О.В. Орбели публикуются по рукописи, хранящейся в архиве О.М. Фрейденберг. Письмо к С.В. Поляковой – по автографу из ее фонда в РГАЛИ (Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 4–7 об.). Фрейденберг упоминает многих преподавателей Петроградского университета, в том числе таких выдающихся ученых, как С.А. Венгеров, И.И. Толстой, С.А. Жебелев, И.М. Гревс, Б.А. Тураев, В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский, И.А. Орбели, И.И. Лапшин, которые не нуждаются в представлении читателю.

Фрейденберг – Орбели,
Петроград – Тамбов, 20 октября – 4 ноября 1918 г.

Дорогая Ольга Владимировна!

Только сегодня села писать Вам не потому, что ждала начала настоящих занятий и «установления картины»: меня тяготил формальный характер писем. Я могла только сообщить Вам те или иные факты, уже совершившиеся, – а мне необходимы были Вы, Ваше присутствие, Ваше живое слово. После Вашего отъезда мои дела приняли печальный оборот, а затем и вовсе трагический. До Вас дошло, должно быть, известие о кончине Бороздина. Умирал он медленно и долго, от гнойного плеврита. Работу, которую я писала с огромным увлечением и подъемом, так я и не сдала; это было тем более больно, что какое-то предчувствие все время говорило мне о мертвом ее рождении и о том, что мнение о ней Бороздина было бы последней его оценкой. Это звучит, б[ыть] м[ожет], неправдоподобно, но в жизни сплошь и рядом убеждаешься, что внутри есть что-то, что знает многое, но бедный человеческий разум не понимает и не объясняет этого знания. Уход Бороздина я ощущала до того внятно, что говорила об этом маме, как о близком ударе. Поэтому впечатление получилось потрясающее. Последнее время я за ним ухаживала, и вплоть до самой смерти (в Мариинской больнице³) он не переставал говорить о будущей нашей работе и о своих планах. И с ним я лишилась и дорогого человека, к которому была привязана, и дорогого учителя, с которым были связаны все мои надежды. Сколько он мне дал за эти несколько месяцев – я вижу не только по итогам работы, но потому, как я оказалась подготовленной к любому курсу литературы: куда ни придешь, всюду чувствуешь твердый фундамент, на котором стоишь. Этот фундамент – научный подход к литературе, историко-литературный метод и знакомство с историей научной мысли и научных методов. Бороздин дал – пусть схематически – путеводитель по науке; и для меня, ученицы-первокурсницы, страшно важно и ценно, что есть рука, ведущая меня⁴. Ибо сами руководители – профессора – хаотичны до невероятия, и без научного гида можно потонуть или сойти с ума.

Одновременно с болезнью Бороздина и предчувствием, очень тягостным, его кончины – во мне происходила мучительная борьба в отношении к Венгеру⁵. Как бы решение мое ни было глупо, но я счастлива, что пишу о нем в прошедшем времени. Так как я не умею колебаться, а потому и принимать решения – всякая борьба и сомнения выливаются в болезненную форму неумения, незнания и всякого другого «не». Уж я завидовала Лене Лившиц⁶, у которой выработана некая техника колебаний. Соображения «головные»

говорили о необходимости не уходить от Венгерова, как от литературного «дел мастера». Душа же категорически отказывалась общаться с ним. Я была убеждена, что Рубен Абгарович⁷ просто запретил бы мне так насилловать душу. Это было не ребячество, не интуитивизм стиля модерн, но голос, шедший из глубины души и говоривший громко. Когда я представляла себе Венгерова и его аудиторию, его дополнительные темы «О садизме Достоевского» и «О любви к скандалу у Достоевского» – эти три года, три!! – стали казаться мне кошмаром, попираанием творческой души Достоевского, просто распинанием его, – и участие в этом должна была принять и я, из соображений «прямого пути к цели». Уйти – значило отказаться от доцентуры; остаться – значило изменить единству жизни своей души. Мне казалось, что лейтмотив жизни должен быть один, пока душа его принимает, в нем находится и ему повинуется. Душа это или не душа – я не знаю; но дело ведь не в словах; главное, смысл жизни, дух, «над» нею стоящее. Цель, для достижения которой нужно было сделать некую вылазку из своего единства, «прорыв фронта», перестала быть моей целью. И я ушла от Венгерова. Но отказ от всех надежд и неблагоприятное поведение моей цели так были мне тяжелы, что уже самое решение и самый день смерти Бороздина не могли ничего прибавить к отчаянию и горю. Университетское безлюдье, неумелое ремесленничество или недобросовестность даровитых людей особенно теперь уразумелись мною, и хотелось сделать резкий жест искренности и уйти из ун[иверсите]та. Не дал мне этого сделать Толстой⁸, не ведая о том, конечно; я с благодарностью думаю теперь о том, как духовная честность спасает даже в ту минуту, когда она как будто никому и не нужна; как всегда и для всякого нужна своя личная дисциплина, «невывпад» из себя ни на минуту; и как густота духа, дающая эту упругость постоянства, есть в то же время разменная монета для каждого вокруг. Толстой положительно спас меня, в самом буквальном смысле этого слова, тем только, что в критические дни моей жизни он так же писал слова на доске и так же вскрывал их дух, как и до этого по пятницам. И «выпасть» не смела и я, ибо вне меня находилось нечто объективное и живое, рожденное и мною, и бросить которое я не могла. С другой стороны, Толстой начал чтение курса о Гомере, и здесь открылось для меня столько нового и прекрасного, что не учиться и не идти за ним было тоже невозможно. Мне казалось иногда, что уроки и лекции эти, на фоне университетской бездарности и моих горестей, какое-то чудо; я так привязалась к ним, что стала даже опасаться – не отнимет ли от меня Толстого та сила, которая уводит каждого, кого я люблю? Предчувствия и жуть, которые были у меня перед кончиной Бороздина

и много, много раз в жизни и до того, стали нарастать и тяготить сердце тоской. Об этом говорить тяжело и повторять путь по темному коридору не хочется. Толстой заболел гриппозным воспалением легких, «испанской болезнью», какой-то мистической болезнью, которую доктора еще мало знают. Сейчас, слава Богу, кризис как будто миновал, и я надеюсь, что Господь его сохранит. Вот уже более 2-х недель, как его болезнь держит меня в постоянном напряжении; острые дни я переболела мучительно. Помимо того, что он дорог всем ученикам и все единодушно полны к нему любовью, — у меня к этим чувствам присоединяется и боязнь собственной вины, какое-то смутное и плохое соучастие в беде, постигшей его. Сейчас вопрос только в питании и работоспособности сердца, здорового в общем, но очень ослабленного; надежда зыбкая, но все же надежда. Как раз в эти дни, когда эпидемия дошла до высоты и за нею и смертность, власти совершенно закрыли ворота в больной город, ввоз из пригородов запретили, и больные оказались в голодном карантине. Сестра Толстого⁹ была так добра, что позволила мне разделить ее заботы о питании больного. Помог всецело Мотя Лившиц¹⁰, брат Лены, чудный человек, врач типа Гаазе¹¹, скромный и невидный, отдающий жизнь, время, сердце всем, кто в нем нуждается. Можете представить себе, когда он в такое время дал больному сливки, яйца, масло etc.! <...>

Теперь еще хочется поговорить о занятиях. Общий характер их — хаотический. Систем теперь нет никаких, даже нет печатных обзоров¹², и первокурсники-новички, как мяч, отталкиваются халдейским языком к Канту и палеографией к Достоевскому. Так как Толстой создал мне большой крен в сторону классицизма, то я и решила идти за ним неуклонно и, по возможности, изучить его курс основательно. Как бы ни было впереди, сказала я себе, а на распутье такая остановка, как изучение Греции, не мешает дальнейшему пути, а еще, может быть, и поможет ему. Поэтому я стала заниматься и у Жебелева¹³. Так как Греция сливается с Востоком и ранним средневековьем, то мне казалось правильным занятие у Гревса, Тураева, Бартольда и Крачковского. Там, в царстве Иосифа Абгаровича [Орбели], я слушаю общие курсы и некоторые специальные по истории Востока, культуре арабов и взаимоотношениях мусульманского мира с европейским средневековьем. Это одна группа моих интересов. Сюда я присоединила бы и изучение Рима и латинского автора, но тщетно ищем мы хотя бы тени того, что представляет собой Толстой. Другая группа — литература. Здесь я беру все, что есть, за исключением Венгерова. Читает курс и ведет просем[инарий] Адрианов¹⁴; все о нем будет сказано, если я назову тему его работ: «Городской и сельский быт по Евг[ению]

Онегину»... Правда, аудитория аховая. Эти «полки 18 года», состоящие из подростков и недорослей, сильно мешают ученью. Дальше, курс и просеминарий народной словесности. *Le roi est mort, vive le roi*¹⁵: ведет молодой ученый Александров¹⁶. Настоящий «словесник», добродушный и страстный; как представитель нового поколения, избегает шаблона и вводит хорошую новизну методов и взглядов. Но таланта нет; и, как ни старается, а скользит по поверхности, и дать то, что давали старики в двух-трех словах, не может. Читает он и о литер[атурных] течениях Екатерин[инской] эпохи; к моей большой радости, подобно французам, с уважением относится к старым писателям и достойно читит Сумарокова; а то ведь всегда приходится узнавать, что он или Озеров¹⁷ – «авторы ходульных вещей» и проч. Какой-нибудь Сиповский¹⁸ сидит на кафедре и говорит об Озерове с точки зрения петербуржца в 1918 году: разумеется, Озеров оказывается старой рухлядью литературы. В семинарии Александров собирается разделить работы на три группы: 1) соби́рание сказок, 2) история научной разработки и 3) выявление мировоззрения народа. Думаю беллетристикой не заниматься, но жду обещанного сказочного материала, над которым он предлагает работать. Что значит это материески – еще не знаю. Есть еще семинарий по журналистике начала XIX века. Ведет его приглашенный из Казани пр[иват]-д[оцент] Ильинский¹⁹, человек спутанной мысли и среднего ума, но, кажется, знающий хорошо свою специальность. После словесных потоков и сумбурной отвлеченности будет приятно работать у практического человека в чисто конкретной области: мы будем описывать журналы начала XIX в. для Библиологической комиссии при Академии Наук²⁰, так что каждая крупица работы пойдет не в печку, а в общую сумму большой работы по журналистике. Я сказала – описывать; но после Рождества мы будем и исследовать определенный журнал небольшого периода времени. Список журналов, еще девственных, дан Комиссией, и работа будет вестись по инструкции, выработанной ею. В библиотеках при Академии, Публичной и в Пушкинском Доме нас ждут самые благоприятные условия работы. Я просила для себя «Вестник Европы» карамзинского периода²¹, так как сантиментализм очень меня интересует и Карамзина хочется узнать поближе. Оказывается, что этот журнал до сих пор не описан и не исследован; поэтому мой выбор санкционирован очень охотно. Прекрасно читает курс древней литературы пр[иват]-д[оцент] Буш²². Толстой и он – вот все, что есть сейчас на факультете. Но Толстой лирик, поэт, одухотворенный и «насыщенный» человек; Буш фактичен, своеобразно сух и узок, но «человек дела». У него все прекрасно: метод, ясный и последовательный,

мысли, отчетливые и упругие, матерьял, исчерпывающий, строгий и стройный; строгость, стройность вообще просятся к нему в эпитеты. Древняя литература в замечательном порядке изучится нами; попутно с изучением фактов идет история научной мысли, так что библиография у него не удушливый газ, предшествующий атаке, а естественный прием, вскрывающий смысл изучаемого. Часто собственную характеристику Буш заменяет цитатой того или иного исследователя данной рукописи; впечатление получается громадное, ибо всякий раз о произведении нам говорит тот, кто нашел его, изучил и обобщил в целое понимание. Много книг приносится в аудиторию; мы просто видим их, держим, смотрим в них, и если мы прочтем в ссылке или услышим о том или ином издании, словаре – нам имена книг не будут звучать отвлеченно, и сейчас же мы вспомним физиономию, размер и – так сказать – систему книг. До начала курса шло прекрасное введение, давшее нам многое по методологии, библиологии и библиографии. Я была благодарна за все то, что услышала о книгохранилищах, собраниях рукописей, исследователях и знатоках древней литературы – за все, о чем обычно не говорят, что стоит по соседству с литературой и что знать нужно и важно. И как рефрен – обучение практическое: куда пойти, за что взяться, что делать сначала, в чем искать путеводителя по работе. Положительно, этот Буш – явление редкостное. Курс западной л[итерату]ры и семинарий об исторической поэтике Веселовского ведет пр[иват]-д[оцент] Сильверсван²³, нечто среднего рода, не он и не она; занимаясь у него, мне кажется минутами, что ун[иверси]тет в большинстве – пустыня, а в благородном меньшинстве с Лапшиным²⁴ и Сильверсваном – бедлам. Однако тема семинария так интересуется меня и так нужна – изучить Веселовского необходимо – что я решила из семинария не уходить. Да и кто лучше? У Петрова²⁵ интересный курс о драме 16–17 веков и семинарий по Шекспиру. Но что это за Петров! Что за Шекспир! Говорят, что Петров очень большой знаток своего предмета; но что может знать в глубоком предмете примитивный человек, лишенный дарования? То, что он знает и дает ученикам, бледно, однобоко и по отношению к предмету примитивно. Его библиография именно удушливый газ: это нечто феноменальное. Дается книг до ста, на разных языках мира, разного достоинства и значения; по 4 часа к ряду идет одно их перечисление, похожее на глумление.

Ольга Владимировна, я чувствую прямо неловкость за размеры своего письма. Хотелось дать Вам отчет в том, что есть сейчас на факультете и в чем нахожусь я сама; хотелось поговорить обо всем своем, и потому письмо наполнено склонением местоимения «я», за что очень и очень извиняюсь. <...>

Крепко Вас целую и не нахожу слов, которые выразили бы всю силу моей благодарности и глубину впечатления от Вашего пребывания у нас и Ваших указаний, бесконечно мне дорогих. Целую Вас крепко, крепко! <...>

Ваша Оля.

Фрейденберг – Поляковой,
15–17 июля 1936 г. Ленинград – Щорск (Украина)

Дорогая Соня!

Кланяется Вам мама. Спасибо за письмо. Все наши дела сейчас в движении, но еще не разрешены. Жизнь фабулистична сама по себе, и без нашего участия; вопрос о сюжетной композиции – это вопрос мирового порядка. А причинность, как Вы уже знаете, набегаает поверх событий в самую последнюю минуту. И если 1 1/2 месяца тому назад я не знала, откуда взялась завязка с моей книгой, то также помимо меня, из каких-то таинственных кулис, выползает и волнуется развязка. Меня вызывают, как свидетеля и лицо почти постороннее. В этом большая правда. Всего меньше пристало вмешиваться в судьбы этой книги – мне. Она зажила собственной жизнью, обзавелась хозяйством и ведет престранное существование. К тому же я смертельно огорчена. К тому же мне душно и пусто. Ах, Вы еще не знаете, что значит жизнь прожить, и до чего это трудно. Ничем нельзя оградить своего сердца от ударов человеческого копыта, – а ведь люди твари невинные, щупальцы, которые бескорыстно ищут Вас, находят, лапают. Впрочем, это рассуждение без выдержки из Спинозы не годится, а я его не помню. Только совладаешь с одной горестью, а уж бежит другая, горшая. Мамаша – жизнь. Словом, перипетия с книгой разыгрывается в тот момент, когда это меня не касается. Но, конечно, настал день, в который гора пришла к Магомету и меня вызвали в издательство. Идет в нескольких инстанциях разбор дела «на предмет заключения»; пришла из Москвы телеграмма. Обвинение нигде не сформулировано, но гласит «за ненаучность», с подзаголовком «за идеалистическую трактовку Гомеровских поэм». Поэтому меня допрашивают и заполняют анкеты по вопросу о моей грамотности. Рубрики: где училась? что кончила? имеет ли высшее образование? et cetera.²⁶ Я из кожи вон лезу, чтоб доказать свою непогрешимость в письме, хотя насчет арифметики много хуже. По утрам упражняюсь в чтении букваря, а вечером повторяю, на случай ревизии. Когда Боря был молод, он любил обрывать листки письма на самом значительном месте, чтоб его досказало сознание адресата.

Я в старости делаю то же, но исключительно, чтоб вывести маму погулять по Казанскому променаду и помочь сестре выкипятить шприц. Боже, сколько волнения! И насколько легче сварить суп из раковых шеек, чем эту проклятую банку с горлом страуса, в котором должна торчать сгорбленная спичка. Дно солят, воду кипятят с тряпкой, натр томят до выпота: это такая сложная кулинария, чтоб ни один парижский повар не согласился бы на такое место.

Продолжу завтра. Надо пойти спать. Всю сегодняшнюю ночь я провела на кровати сидя, заняв позу Будды. Когда у меня огорченье, находит убийственная трезвость мозгов, которая не обволакивается забвеньем.

16 / VII Телефонный экстаз. Соня, Соня, Теофраст перепрыгнул обеими ногами через величайшее заграждение²⁷. Хотите лопаться и сойти с ума? – Якубинский, который и слышать не хотел, что это самая настоящая лингвистика, с остервенением сел читать ненавистную машинку и... О великий народ Речи Посполитой, на котором сидит настоящая еврейская голова... И – и стал гоготать от наслаждения. «Лингвистика! Лингвистика?» – закричал он в энтузиазме. – «А если это и не лингвистика, то чертовски интересно!»²⁸ Помогло то, что у него погас свет и он при свечке не мог заниматься ничем путным. Тут на него налетели рыгающие ростовщики, и он стал жадно упиваться нашей коллекцией гнусностей. Через час он вошел в такой раж, что сам сел и написал предисловие для Горлита²⁹, где принялся доказывать, что это самая настоящая лингвистика, а если оно таковой не кажется, то это не больше, как зрительный обман. А я, тем временем, не отходя от телефона, несколько дней только и делала, что ставила агитационные клизмы то ему, то Пяллю³⁰. В результате – пищеварение восстановилось. Якубинский, уезжая в Крым, отправил машинку Пяллю, а тот, встав от гриппа, завтра отправляет ее в цензуру. Чудеса техники!

Да, а бумага, спросите Вы. Можно ли ставить клизмы, не имея бумаги? Ах, Соня, какой Вы ребенок. Неумолимы только люди; природа поддается воздействию. И потом научитесь понимать, что логика выдумана профессорами, не утвержденными в звании. Большая часть движется антипричинно. Свет и вода – вот две метафоры, лежащие в основе вещей; остальное различие в тождестве. Итак, о свете я уже Вам сказала. Гори у Якубинского свет, и он накануне отъезда писал бы дипломы аспирантам. А вода? О, не будь воды, не получили бы мы никогда бумаги.

Слушайте. Приходит Сашка³¹, я накидываюсь: «Где бумага?» Он отвечает вдохновенно: «Все в порядке». Но надо выждать пока он пропьяется. Я к нему прихожу, он лежит, не отвечает. Жена говорит, не трогайте его, все равно не ответит. А я ему – скажи,

мерзавец, какая типография. Молчит, не отвечает. Федорова? Печатный Двор? Молчит, на жену пальцами показывает. Смотрю, у нее бумажка, Саша, написано, все в порядке, 3 типографии ждут. Жена и говорит, вы его оставьте, все равно не ответит. Он так полежит, около него шайка, он нальет водки, выпьет и молчит. Так пройдет недели две. Потом он встанет, пойдет, влезет в воду и будет так сидеть целый день, а жена ему будет папиросы подавать. Потом вдруг бутылочку выпьет, опохмелиться, вымоется – и сразу все в порядке. Вот тогда ты сейчас же получишь бумагу.

Доводы мне показались убедительными. Я сейчас же, окрыленная, переговорила с Якубинским и Пяллем, что, мол, бумага есть, а затем пошли сводки:

– Курит.

– Не отвечает.

– Курит.

Как вдруг, в одно жаркое утро, брат звонит по телефону взволнованный:

– Влез в воду!..

Волнение передалось и мне. Звоню Пяллю и Якубинскому, что типография торопит. Ночь провела тревожно. А на другой день брат в спокойной и твердой форме называет имя типографии, улицу, заведующего. Пялль знает типографию и подтверждает. Бумага – есть. Понимаете? Бумага есть. Я бегу на телеграф и посылаю Теофрасту поздравление с блестящим парашютным прыжком, по адресу вечности.

17 / VII Не удается написать в один присест. Возобновляю работу над Erga³², и это дает мне успокоение и отлет. Длительные несчастья сделали меня оптимисткой. Я с тоской, но не перестаю верить, что добродетель торжествует. Скучно, но необходимо. Да, но я имею массу вещей рассказать Вам лично. Что же до дачи, то я искала честно и добросовестно. Все здешние дачи делятся (в Петергофе, по крайней мере) на два сорта – либо городские удобства без сельского приволья, либо сельское приволье без городских удобств. К первому, городским удобствам, относятся электричество, водопровод и клопы. Ко второму, к сельскому приволью – отсутствие всяких удобств и действие желудка прямо на голову Персефоны и Аида. География киммерийцев, из-за которой столько спорили в ученой литературе, требует еще одной диссертации на ту же тему, с учетом топографии Петергофа и его дач, в их задней половине. Одна дачка мне очень приглянулась, но оказалось, что хозяин сумасшедший и скандалист. Меня бы это не остановило, да подруга резонно заметила, что летом мне необходимо переменить образ жизни.

<...> Ну, до свиданья. Поправляйтесь и объедайте нас, ленинградцев, фруктами. Сердечный привет маме.

Ваша О. Фрейденберг

Утвердят ли в Горлите Теофраста? Боюсь, чтоб тот пока не запил.

Фрейденберг – Орбели,

[Ленинград, не ранее 9 октября 1953 г.]³³

Дорогая Ольга Владимировна!

Так как к телефону Вас нельзя вызвать, прибегаю к знаменитой «письменной форме». Передо мной неотступно возникают Ваши слова о моих научных работах: помните, Вы сказали, что перед операцией Вы спрашивали себя, как же это так случилось, что Вы не читали моих (как выражался Жебелев) «сочинений»?

Вы затронули мое чувствительное место. Если б Вы знали, сколько я об этом думала, как этого желала, сколько готовилась к этому! Но вот в том-то и беда, что готовилась.

В прошлом году я однажды приехала к Вам со «специальной миссией» рассказать Вам о своем научном блуждании, но наша встреча как-то пошла по другому пути; а потом жизнь, как чертово колесо на аттракционах, стала бросать меня в разные стороны, валять наземь, отклонять от центра. Короче – виновата я одна, и страдаю от этого не первый год. Но никогда Вы не были так мне нужны, как теперь.

Научные работы пишут по-разному. У одних это ряд самостоятельных статей или книг, по различным поводам и вопросам. У других – система, в которой проводится твердая, верная себе мысль. Я же работала слепо, и для меня не было ничего трудней, как рассказать о сделанном. Моя научная судьба сложилась бы для меня гораздо счастливей, и сама я была бы гораздо счастливей, если б я умела переводить язык интуиции на язык логической мысли. Не хочу казаться Вертером, но и жеманства не терплю. Мне всегда казалось, что я нахожусь своими работами в русле чего-то значительного, которое обнаружит себя впоследствии, в своем целом, и тогда я лучше пойму звенья своей работы. Скажу Вам на старости, что это чувство меня не обмануло, – может быть, единственное среди всего того, в чем я оказалась обманутой жизнью.

Оглядываясь назад, от звена к звену, я вижу, что шла как бы по комнатам, каждая из которых была темна, но получала освещение, когда открывалась дверь в следующую. Я занималась 35 лет вещами, вся сумма которых (и, главное, поступательность мысли),

сейчас, у конца, настолько ясна, что ее можно выразить двумя словами. А именно: начало лежало в изумленье перед анализом, перед тем, что ни одна вещь на свете не похожа на свой состав, что каменная соль состоит не из каменной соли, а из натрия и еще чего-то, что литература не возникла из фантазии («творчества») каких-то личностей, а была чем-то совсем иным и всеобщим, была мироощущением. Теперь же, в конце, я занимаюсь происхождением искусства, то есть античной литературы, как первой именно художественной литературы.

То, что до сих пор мы с Вами не поговорили по-настоящему, еще не такая беда для меня, потому что я всегда чувствовала недалеко от себя Ваше большое дыхание, дорогая и единственная Ольга Владимировна. Это не слова. Вы прошли через всю мою жизнь, как то самое главное, что организует человека, и потому вовлечение Вас в круг моих научных мыслей казалось мне частностью, чем-то уж не таким важным. Я Вам бесконечно, невыразимо благодарна. Вы стоите передо мной, как самое мне духовно дорогое и ничем в жизни непревзойденное, и я надеюсь, что Вы это чувствуете, вопреки моему косноязычию или молчанью.

Моя надежда – увидеть Вас и обнять от всего сердца. До скорого свидания!

Ваша Оля.

Комментарии

- ¹ *Фрейденберг О.М.* Пробег жизни. Тетрадь 1–2 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 4. Л. [46 об.].
- ² Там же. Л. [41 об.]; *Фрейденберг О.М.* Пробег жизни. Тетрадь 3 // Hoover Institution Archives. Folder 5. Л. [12].
- ³ Одна из старейших больниц Санкт-Петербурга, основанная в 1803 г. императрицей Марией Федоровной и получившая впоследствии ее имя.
- ⁴ Бороздин Александр Корнильевич (1863–1918) – литературовед и историк литературы. Изучал русские религиозные течения, магистерская диссертация его была посвящена протопопу Аввакуму. По мнению Фрейденберг, это был первый университетский преподаватель, учивший ее научно работать. «Все остальные профессора представляли собой либо лекторов, либо школьных преподавателей. Бороздин учил в своих семинарах осмысленно, системно. <...> Он дал мне былинку, и я должна была по различным изданиям установить основной текст, датировку, осмысление. Для второй задачи я получила исследования Жданова и Веселовского, и должна была разобраться в их научной методологии. <...> Мой первый доклад очень ему понравился. Но второй – это было событие в моей жизни! Вопреки зависти товарищей, Бороздин дал необыкновенно

- высокую оценку моей первой методологической работе. <...> С тех пор навеки вкус к методологии, и технический путь к ней, и понимание ее великого значения были мне привиты и научно ассимилировались мною. Выйдя из школы Бороздина, я коренным образом отличалась от классиков, воспитанных на эмпиризме» (*Фрейденберг О.М.* Университетские годы / публ. и коммент. Н.В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 149–150). В архиве Фрейденберг сохранился первый доклад из этой работы – «Женитьбы Добрыни Никитича» с надписью: «Первый мой студенческий доклад. Прочитан в семинарии по народной словесности проф. Алекс. Корнил. Бороздина весной 1918 года».
- ⁵ В 1918/19 г. С.А. Венгеров читал общий курс «История русской литературы XVIII–XIX вв.» и вел просеминарии «Пушкин и его время» и «Мир Достоевского».
 - ⁶ Лившиц Елена Семеновна (1891–1972) – гимназическая подруга Фрейденберг.
 - ⁷ Орбели Рубен Абгарович (1880–1943) – профессор права, один из основателей и преподаватель Тамбовского университета, основоположник подводной археологии. С 1912 до середины 1920-х гг. вел частную религиозную практику, выступая с лекциями и проповедями в Петрограде и других городах, и создал собственное социально-религиозное учение, пользовавшееся популярностью среди интеллигенции (подробнее см.: *Мельник А.Н.* Предисловие к фрагментам из социально-богословского наследия проф. Р.А. Орбели // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 92–94). Фрейденберг вместе с друзьями посещала проповеди Р.А. Орбели, хотя в письмах отзывалась об этом довольно иронично и сочиняла шуточные стихи и рассказы.
 - ⁸ Толстой И.И. – первый преподаватель греческого языка у Фрейденберг, будущий академик. В 1918/19 г. она также посещала его курсы «Гомер и гомеровский вопрос» и «Плутарх: биография Лисандра».
 - ⁹ Толстая Людмила Ивановна (1884–1948).
 - ¹⁰ Лившиц Марк Семенович (1893–1953) – брат гимназической подруги Фрейденберг Е.С. Лившиц. Подробнее о нем см.: Четыре письма Ольги Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н.Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4. С. 141–151.
 - ¹¹ Гааз Федор Петрович (Фридрих Иосиф) (1870–1853) – московский врач, филантроп, известный как «святой доктор».
 - ¹² Тем не менее в Архиве Фрейденберг сохранился экземпляр такого «Обозрения преподавания наук на историко-филологическом факультете Петроградского университета...» как раз на 1918/1919 учебный год, где рукой Фрейденберг отмечены заинтересовавшие и посещаемые ею курсы.
 - ¹³ С.А. Жебелев – руководитель работы Фрейденберг над апокрифом «Деяния Павла и Феклы» и диссертации «Происхождение греческого романа». В «Обозрении...» на 1918/19 г. у Фрейденберг также отмечены его курсы «Античная республика» и «Жизнь и чудеса св. бессребренников Косьмы и Доминана». О занятиях у Жебелева и других профессоров в этот период см. также: *Фрейденберг О.М.* Университетские годы... С. 149–150.
 - ¹⁴ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) – литературный критик и историк русской литературы. В 1918/19 г. читал курс «Введение в изучение русской литературы» и вел просеминарий.

- ¹⁵ Король умер, да здравствует король (фр.).
- ¹⁶ Александров Александр Дмитриевич (1889–1951) – историк русской литературы, библиограф, педагог. С 1918 г. стал директором 1-й единой трудовой школы (Петроградской второй гимназии). Подробнее см.: Александр Александрович Дмитриев // Вторая Санкт-Петербургская гимназия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2spbg.ru/teachers-past/aleksandrov-ad/> (дата обращения: 31.08.2017).
- ¹⁷ Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург и поэт, автор популярных в начале XIX в. трагедий.
- ¹⁸ Сиповский Василий Васильевич (1872–1920) – литературовед, историк русской литературы. В 1918/19 гг. читал курс «Русская литература первой половины XIX в.» и вел просеминарий. Лекции Сиповского были знакомы Фрейденберг с 1910-х гг., когда она в качестве вольнослушательницы посещала Бестужевские курсы (см.: *Пастернак Б.* Пожизненная привязанность: переписка О.М. Фрейденберг. М.: Артфлекс, 2000. С. 23).
- ¹⁹ Ильинский Леонид Константинович (1878–1934) – литературовед, библиограф и книговед. Заведовал отделом регистрации и описания периодических изданий в Российской книжной палате (1917–1920), библиографическим отделом Госиздата (1923–1926), был председателем Комиссии по росписи журналов (1917–1926), см. примеч. ниже.
- ²⁰ Такая Комиссия по аналитической росписи русских журналов первой четверти XIX в. была создана при Русском библиологическом обществе в 1917 г. Подробнее см.: Литературно-библиологический сборник / под ред. Л.К. Ильинского; Русское библиологическое общество. Пг.: Воен. тип., 1918. 136 с. (Труды Комис. Рус. библиол. о-ва по описанию журн. XIX в.; вып. 1).
- ²¹ Литературно-политический журнал, издавался в 1802–1830 гг. Н.М. Карамзин был его редактором в 1802–1803 гг.
- ²² Буш Владимир Владимирович (1888–1934) – литературовед, фольклорист, краевед, библиограф, участник Пушкинского семинара Венгерова, сотрудник Книжной палаты, участвовал в создании Ташкентского университета (1920–1922) и в работе Саратовского университета (1924–1931). Фрейденберг очень высоко ценила его как преподавателя и как человека, в ее архиве сохранилась небольшая статья о нем: «Настоящий учитель (памяти В.В. Буша)», 1936 г.
- ²³ Сильверсван Борис Павлович (1883–1934) – литературовед, специалист по западноевропейской и скандинавской литературе. Был арестован по «таганцевскому делу», после освобождения бежал в Финляндию, умер в Хельсинки.
- ²⁴ Фрейденберг посещала просеминарий неокантианца И.И. Лапшина (впоследствии высланного на «философском пароходе») по введению в философию, где еще в июне 1918 г. делала доклад о Канте, в ее архиве также сохранились конспекты его лекций.
- ²⁵ Петров Дмитрий Константинович (1872–1925) – историк литературы, специалист по романским литературе и языкам, основатель русской научной испанистики. Фрейденберг в воспоминаниях пишет, что знала и любила старинную испанскую литературу и именно из интереса к ней решила пойти в университет в 1917 г.

- ²⁶ Речь идет о «Поэтике сюжета и жанра» (Л., 1936), единственной изданной монографии Фрейденберг, годом раньше защищенной в качестве докторской диссертации. Книга вышла в мае и вскоре была конфискована (подробнее см.: *Брагинская Н.В.* «...Имеют свою судьбу» // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 421–433).
- ²⁷ Имеется в виду научный перевод «Характеров» древнегреческого философа Теофраста, подготовленного в ходе семинара, который Фрейденберг вела со студентами-отличниками: С.В. Поляковой, Б.Л. Галеркиной, Н.В. Моревой, О.А. Гутан и др. «Характеры» вместе со вступительной статьей Фрейденберг были изданы только в 1941 г. в составе сборника кафедры классической филологии ЛГУ: Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Л., 1941. Вып. 7. С. 129–164.
- ²⁸ Якубинский Лев Петрович (1892–1945) – советский лингвист. В 1933–1936 гг. директор Ленинградского научно-исследовательского института языкознания (ЛНИЯ). Подробнее см.: *Леонтьев А.А.* Лев Петрович Якубинский // Отечественные лингвисты XX века: сб. ст. М., 2003. Ч. 3. С. 151–167; *Брагинская Н.В.* *Siste, viator!*: (предисл. к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей: Человек в истории: Представления о власти. 1995. М.: Наука, 1995. С. 244–271.
- ²⁹ Городское управление Главлита.
- ³⁰ Пяль Эдуард Николаевич (1903–1989) – эстонский лингвист, литературовед и политический деятель. В 1935–1938 гг. был ученым секретарем Ленинградского института языкознания.
- ³¹ Старший брат Фрейденберг Александр Михайлович Михайлов (1884–1938), инженер, талантливый изобретатель, нумизмат. Имел, по свидетельству Фрейденберг, «фантастический» характер и обширные связи и знакомства в различных кругах. В 1923 г. он достал бумагу для университетского диплома Фрейденберг. В 1935 г. «организовал» бумагу и типографию для тезисов ее докторской диссертации. «Институт по-хамски отнесся и не помог мне, напротив; типографии не брались печатать, бумаги не было, и пр. и пр. Но Сашка, со свежестью новорожденного подходящий к людям и к жизни, нахрапом и нахальством добился и бумаги, и типографии, и чего хотите; это было чудо, настоящее чудо» (Из семейной переписки Пастернаков. Письма О.М. и А.О. Фрейденберг к родным в Германии / публ. Н. Костенко и Л. Флейшмана; предисл. и коммент. Л. Флейшмана // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конф. 2015 г. в Стэнфорде. М.: Азбуковник, 2017. С. 120). Арестован в 1937 г. и расстрелян. Подробнее о А.М. Михайлове см.: *Тюляков С.* Фамилия мастеров высокой марки // Военно-промышленный курьер. 2009. 4 нояб. (№ 43). URL: <http://vpk-news.ru/articles/5991> (дата обращения: 31.08.2017).
- ³² Неизданная монография Фрейденберг «Композиция “Трудов и Дней” Гезиода» (Л., 1933–1938).
- ³³ Письмо впервые опубликовано: *Брагинская Н.В.* Филологический роман: предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. № 3. С. 144.